

1922 год: изъятие церковных ценностей

Убранству соборов и церквей православные христиане придают большое значение. Резные позолоченные иконостасы, золотые и серебряные богослужебные предметы, украшенные драгоценными камнями иконные ризы, роспись на стенах, красивое облачение священников создают возвышенный образ Царствия Небесного, символом которого и выступает православный храм. В знак благодарности за исцеление или другую Божию помощь по старинной традиции люди жертвуют в храм драгоценности. До революции жертвователями тихвинских монастырей были не только простые миряне и состоятельные прихожане, но и царствующие особы. Так, например, в Успенском соборе на ризу чудотворной иконы Божией Матери были возложены: замечательный по величине редкий изумруд, который в 1734 году преподнесла в дар императрица Анна Иоанновна; голубой сапфир весом 80 карат, присланный в 1809 году императрицей Марией Фёдоровной; превосходный бразильский топаз весом 66,5 карата, пожертвованный Великой княгиней Екатериной Павловной. И подобных даров было множество. Все эти церковные ценности не использовались для чьей-то личной выгоды или обогащения, а накапливались и хранились столетиями в полной неприкосновенности.

Но 1922 год в истории Русской Православной Церкви ознаменовался их повсеместным изъятием из монастырей и храмов. Свои действия советская власть оправдывала необходимостью помощи голодающему населению молодой страны. Голод во многих регионах советской России начался еще в 1921 году. Он охватил Поволжье, Южную Украину, Крым, Башкирию, Казахстан, частично Приуралье и Западную Сибирь. Его причинами стали проводимая большевиками продразверстка, продолжавшаяся гражданская война и сильнейшая засуха. Голодало 40 миллионов человек, а количество умерших от голода, по официальным данным, достигло 5 миллионов человек! В губернской газете «Коммунист» и в тихвинской газете «Красное знамя» публиковались леденящие душу сообщения о жутких случаях людоедства и детоубийства в пострадавших от голода губерниях.

Тихвинские служители Церкви принимали активное участие в организации помощи бедствующим регионам. Летом 1921 года настоятель Тихвинского Богородичного Успенского монастыря архимандрит Антоний (Демянский) вошел в состав президиума Тихвинского уездного комитета по оказанию помощи голодающим и был избран казначеем комитета. К 15 августа 1921 г. братия и прихожане Успенской обители собрали и пожертвовали в помощь голодающим 1 миллион рублей, а в октябре 1921 г. на счет уполномоченного комитета помощи голодающим (Помгола) от архимандрита Антония поступил церковный сбор в размере более 400 тысяч рублей.

Желая усилить возможную помощь вымирающему от голода населению Поволжья, 6 февраля 1922 г. Патриарх Тихон выступил с воззванием, в котором разрешил церковно-приходским советам и общинам жертвовать на нужды голодающим драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие прямого богослужебного употребления.

Такая активная позиция Русской Православной Церкви в борьбе с голодом укрепляла в народе ее авторитет. Этого советская власть допустить не могла: против участия Церкви в помощи голодающим резко выступали В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин. Формальным основанием для препятствования развертывания деятельности епархиальных комитетов была инструкция Наркомюста от 30 августа 1918 г. о запрете всем религиозным организациям заниматься благотворительной деятельностью. И большевики использовали тяжелую ситуацию в голодающих губерниях как предлог, чтобы начать новое наступление на Церковь.

23 февраля 1922 г. в газетах был опубликован декрет ВЦИК о принудительном изъятии «драгоценных предметов из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа». В соответствии с этим декретом большевики имели право изъять из храмов не только богатые украшения и облачения, но и богослужебные церковные предметы, к которым, согласно православным канонам, могут прикасаться только священнослужители. Прежде всего, это специальные сосуды, используемые на литургии для совершения таинства Евхаристии: потир, дискос, копия, дарохранительница, дароносица и т.п.

28 февраля 1922 г. Патриарх Тихон обратился с новым воззванием к верующим. В нем он подверг этот декрет осуждению: «Мы допустили, ввиду чрезвычайной тяжелой обстановки, возможность пожертвования церковных предметов, не освященных и не имеющих богослужебного употребления. <...> Но

мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство...»

4 марта 1922 г. в помещении Тихвинского уездного исполкома состоялось общее собрание церковно-приходских советов всех церквей и монастырей города по вопросу о помощи голодающим и об использовании церковных драгоценностей для борьбы с голодом. На собрании присутствовало и почти все духовенство города во главе с настоятелем Большого монастыря архимандритом Антонием.

Собрание открылось краткой речью председателя исполкома Кольцова, затем было предоставлено слово основному докладчику В.И. Равдоникасу, который кратко охарактеризовал размеры и причины голодного бедствия и обрисовал все виды помощи, принятые к тому моменту правительством и населением благополучных по урожаю губерний. В своем докладе он обратил внимание присутствующих на то, что оказываемая помощь была все еще недостаточной, поскольку размеры бедствия были огромными, и для ликвидации голодных ужасов призвал использовать все средства. Эти средства, по его мнению, заключались и в церковных драгоценностях, «в туне и без пользы лежащих в наших храмах и монастырях».

Собрание духовенства и верующих завершилось принятием следующей резолюции: «Ввиду ужасающих размеров голода в Поволжье, мы, духовенство и представители приходских общин г. Тихвина, памятуя заветы Христа, со своей стороны идём навстречу постановлению ВЦИК об изъятии из храмов драгоценных предметов, не имеющих особого значения, с условием, чтобы не оскорблять религиозное чувство верующих... Для окончательного решения вопроса о помощи считаем нужным перенести его на общее приходское собрание». Общее собрание общин, в соответствии со сводкой ПП ГПУ, должно было состояться 12 марта.

22 марта 1922 г. начальник информационного отдела ГПУ Ашмарин довел до сведения члена коллегии ГПУ Г.Г. Ягоды информацию, что в Череповецкой губернии отношение крестьян к вопросу об изъятии ценностей враждебное, но «особенно тревожно настроение населения Тихвинского уезда».

Чтобы предупредить возможное сопротивление верующих, 30 марта на первой странице тихвинской газеты «Красное знамя» появилась заметка, которая так и называлась: «Попытки контрреволюционного сопротивления будут пресекаться беспощадно». В ней говорилось о событиях в г. Шуе, где произошло столкновение между силами властей и верующими, выступившими против кампании по изъятию церковных ценностей. Для разгона протестующих тогда были вызваны два автомобиля с пулеметами. После первых выстрелов толпа разбежалась, «оставив 4 убитых и 10 раненых».

В Тихвине к помощи военных обратились изначально. По словам архимандрита Антония, 15 (28) марта в Успенский монастырь, с которого началось изъятие церковных ценностей, неожиданно для его насельников прибыли вооруженные солдаты, и вход, и выход были заграждены. В собор были вызваны настоятель монастыря архимандрит Антоний и избранные представители от верующих. Местная власть объявила им, что приступает к изъятию церковных ценностей. Все, что в тот день было изъято, запечатали и увезли в Уфинотдел (казначейство).

ИЗ ИСТОРИИ ТИХВИНСКИХ МОНАСТЫРЕЙ И ХРАМОВ

21 марта (3 апреля) 1922 г., в час дня, опять же, «при вводе войска и удалении сторонних из обители», открылось очередное заседание комиссии по реквизиции. На нем сначала был заслушан протест верующих против изъятия ценностей и принято постановление предать суду всех подписавших его, а затем «принудили представителей верующих и ризничего снять ризу. Пошло с большою скорбью и слезами: отслужили молебен, сняли и выдали ризу. Моё здоровье не позволило дальше зреть, и я не знаю, что было. Придя в себя, я написал несогласие и просил приложить к делу...», — сообщал в письме Архиепископу Арсению (Стадницкому) архимандрит Антоний.

По информации, напечатанной в газете «Красное знамя», за период с 28 марта по 5 апреля в Большом монастыре были изъяты: «золотая лампада весом 15 ф. 12 зол. с 1550 бриллиантами, золотая риза весом 21 ф. 38 зол. с более чем 5000 бриллиантами, серебряная одежда с престола весом 5 пуд. 27 фунтов, серебряный подсвечник весом 3 п. 16 ф., серебряная решётка весом 3 п. 20 ф., 3 митры, усыпанные жемчугом и драгоценными камнями и разных серебряных вещей общим весом около пуда».

Там же сообщалось, что изъятие происходило «совершенно спокойно при поддержке со стороны духовенства, которое обратилось к верующим с соответствующим воззванием». Только газета забыла упомянуть, что «совершенно спокойное» изъятие происходило под дулами пулеметов: «Десять дней прожили в осадном положении с плачевным для нас результатом: вооружённые люди при входах и внутри, а в братской трапезе — пулемётная рота», — писал 26 марта (8 апреля) 1922 г. архимандрит Антоний.

11 апреля 1922 г. комиссия приступила к изъятию ценностей во Введенском женском монастыре. Началось оно с заседания, в котором, кроме 5 членов комиссии, принимали участие представители верующих, председатель церковно-приходского совета Д.Д. Степанов и настоятельница Введенского монастыря Иоанникия. Якобы для консультации был приглашен заинтересованный в сохранении культурно-исторического наследия историк И.П. Мордвинов. Он писал:

«Я застал комиссию в холодном собрании; меня ждали; вопрос шел об иконостасе, в нижнем ярусе которого комиссия предполагала взять все ризы; ради сохранения ансамбля я вступился за них. Потом потолковали с Ершовым и Захаровым, и я уговорил их ради каких-нибудь 2 пудов серебра не безобразить иконостаса, разрешил взять навесные украшения и боковые ризы. Все маленькие иконы с окладами в столбах тоже остались, но относительно лежачего изображения какой-то святой и новой ризы на старой итальянской иконе высказался отрицательно. Верующие, какие-то мужички, держатся еще трусливее, чем бывшие в Большом монастыре. При изъятии присутствует игуменья, ризничая и горбатая монахиня (по-видимому — монахиня письмоводительница). Игуменья шепотом рассказывает мне, что изъяли уже многое, что возможны большие изъятия в теплом собрании; я советую пригласить меня, если выйдут недоразумения». Но члены комиссии к советам И.П. Мордвинова не прислушались и нижний ярус иконостаса сняли.

В тот день были изъяты серебряные ризы с 20 икон общим весом в 2, 3 пуда. В список изъятого вошли также Евангелие, «обложенное серебром и позолоченное с пятью нефитными образами, обложенными стразами»; 3 серебряных кадила, 8 серебряных

лампад, 3 напестольных креста, наперсные кресты и многие другие предметы, среди которых были и те, к которым, согласно канонам Церкви, миряне не имеют права прикасаться: 5 потиров, 5 дискосов, 4 звезды и 7 лиц. Общий вес изъятого составил около 3 пудов. Все было сложено в один ящик и отправлено под конвоем в Уфинотдел.

Спустя месяц, 17 мая, из Тихвинского монастыря к И.П. Мордвинову пришла плачущая монахиня и просила прийти в обитель, потому что в тот день было решено снять все, что осталось. Прийти Исаакий Петрович пообещал, но предупредил, что вряд ли сможет помочь — утрата ценностей обители была предержена.

Изымались они и в храмах города и уезда. Так, 27 апреля 1922 г. были составлены описи изъятия риз в Спасо-Преображенском соборе и в церкви Иова Многострадального.

Судьба ценностей, изъятых из тихвинских монастырей и церквей, как и из храмов по всей России, доподлинно неизвестна. По некоторым источникам, на помощь голодающим было направлено лишь около 40% отобранных у Церкви ценностей, а остальные средства составили золотой запас Советской власти. Именно на этот рассчитывал В.И. Ленин, писавший в марте 1922 г.: «Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство, в частности... совершенно невыполнимо».

Таким образом, изъятие церковных ценностей в 1922 году решало как экономические задачи — пополнение государственного бюджета, так и политические — обмундирование Церкви в нежелании оказывать помощь голодающим и укрывательстве ценностей с целью ее планомерной дискредитации в глазах народа.

И это явилось только первой частью антицерковной кампании, развернувшейся в 1922 г. Второй удар по Церкви был нанесен спровоцированным советской властью церковным расколом, о котором речь пойдет в следующий раз.

Светлана Старшина.